

устрашения других рабов виновных наказывали беспощадно. Об убийстве рабами свободных людей Кассиодор сообщает и в других местах своего обширного труда¹.

Народное возмущение против притеснений знати порою выливалось и в стихийные выступления, связанные с поджогом имений крупных землевладельцев их рабами и колонами.

О том, что поджоги домов и вилл богачей из числа римской и остготской знати являлись иногда своеобразным выражением социального протеста народных масс, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха суровых санкций против поджогов, особенно таких, которые совершены рабами и колонами. „Тот, кто из вражды подожжет хижину, дом или чужую виллу, если это раб, колон, рабыня или оригинарий, то он сжигается на костре. Если же это сделает свободный, то пусть он возместит тот ущерб, который был причинен в результате вызванного им пожара, пусть восстановит здание и в наказание за такой проступок пусть уплатит стоимость сожженного имущества. Если же он по своему имущественному положению не имеет возможности этого сделать, то после наказания палками он отправляется в вечное изгнание“², — говорится в статье 97 эдикта Теодориха.

Анализ этого предписания и сравнение его с аналогичными постановлениями римского права показывают, что в этой статье эдикта нашли свое отражение весьма существенные изменения в общественных отношениях Италии VI в. по сравнению с предшествующим временем. В самом деле, в то время как в римском праве говорится лишь о поджоге, совершенном свободными людьми знатного или незнатного происхождения³, в остготском законодательстве основной акцент перенесен на пресечение поджогов, совершаемых зависимыми людьми — рабами, колонами и оригинариями: они резко противопоставляются свободным и подвергаются за это преступление самому суровому наказанию, известному в эдикте Теодориха, — сожжению. При этом знаменательно, что вообще эдикт Теодориха карает сожжением лишь самые тяжкие, с точки зрения правительства, преступления, т. е. либо выражающие социальный протест народных масс, как-то — открытые вооруженные восстания народа⁴, либо такие преступления, которые затрагивали классовые привилегии и предрассудки, как, например, сожительство раба со свободной и знатной женщиной⁵. Эти преступления вызвали особые опасения и ненависть в среде господствующего класса остготского королевства, и потому совершившие их карались столь беспощадно.

Вместе с тем, на наш взгляд, остготское правительство отнюдь не случайно в своих законодательных постановлениях особо отмечало участие в поджогах домов знати зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев, в то время как римское право о них совсем не упоминало.

¹ Cassiod. Var., I, 30.

² Eth., § 97: „Qui casam, domum, aut villam alienam inimicitiarum causa incendit: si servus, colonus, ancilla, originarius fuerit, incendio concremetur: si ingenuus hoc fecerit, restituat quicquid dispendii acciderit per illud, quod commovit, incendium, aedificiumque renovet, et aestimationem insuper consumptarum rerum pro poena talis facti cogatur exsolvere; aut si hos sustinere pro tenuitate nequiverit, fustibus caesus perpetui exilii relegatione plectatur“.

³ Paulus. Sent., lib. V, tit. 20, § 2: „... те, кто из вражды подожгут хижину или виллу, если они низкого происхождения (humiliores), то они ссылаются на рудники или на общественные работы, если же они люди знатные (honestiores), то они ссылаются на остров“. Ср. *ibid.*, lib. V, tit. 3, § 6 et lib. V, tit. 20, § 1.

⁴ Eth., § 107.

⁵ *Ibid.*, § 61.